

Тютчев Федор Федорович

Беглец

Роман из пограничной жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Федорович Т.**
Беглец: Роман из пограничной жизни / Тютчев Федор Федорович – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 343 с.

ISBN 978-5-519-78116-9

ISBN 978-5-519-78116-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Б р о д я г а.

Въ 1876 году въ одинъ жаркій іюльскій день, верстахъ въ 7 отъ города Напваллп, по глухому мрачному Аладжинскому ущелью, служащему, вмѣстѣ съ протекающей по немъ рѣчкой Араксомъ, границой Россіи съ Персіей, пробирался молодой человѣкъ, лѣтъ 19—20, одѣтый въ жалкое рубище армянина-поселенца: короткій полукафтанъ верблюжьяго сукна, съ безчисленнымъ множествомъ прорѣхъ, ситцевый бешметъ и чуваки. Голова была покрыта засаленной тушинкой *). По тому, съ какимъ трудомъ, опираясь на толстую суковатую палку, передвигалъ онъ свои ноги, можно было судить о томъ далекомъ и тяжеломъ пути, который онъ сдѣлалъ, раньше чѣмъ попасть въ эти мертвейно непривѣтныя мѣста.

Лицо незнакомца, съ небольшими усиками и едва пробивающейся бородкой, могло-бы назваться очень красивымъ, если-бы не было такъ страшно изнурено и покрыто, какъ корой, слоемъ пыли и грязи. Ввалившіяся щеки и глубоко-запавшіе глаза придавали ему видъ человѣка, или только недавно перенесшаго тяжелую болѣзнь, или сильно истомленнаго голодомъ.

*) Тушинка—круглая шапочка.

По мѣрѣ того, какъ путникъ подвигался впередъ по тропинкѣ, извивавшейся между желто-красными громадами скалъ, лишенныхъ всякой растительности, силы, очевидно, оставляли его: онъ изрѣдка останавливался, чтобы перевести духъ, и затѣмъ снова брелъ впередъ, едва-едва ступая наболѣвшими, покрытыми ранами и ссадинами ногами.

Налетавшій изрѣдка вѣтерокъ не приносилъ облегченія, а только обжигалъ лицо своимъ горячимъ дыханіемъ. Отъ раскаленныхъ камней отдавало зноемъ, который, наполняя воздухъ, казалось, готовъ былъ испепелить мозгъ и душу человѣка.

Изнуренный и обезсиленный, незнакомецъ присѣлъ на камень и съ трудомъ вытянулъ ноги. Все тѣло его ныло отъ нечеловѣческой усталости, во рту пересохло, языкъ потрескался, голова кружилась отъ голода и жажды.

Долго-ли просидѣлъ онъ такъ, склонивъ голову на грудь и полузажмуривъ наболѣвшіе отъ яркаго свѣта глаза, онъ не могъ дать себѣ отчета. Изъ полубезсознательнаго состоянія, въ которомъ онъ находился, его вывело раздавшееся гдѣ-то поблизости глухое ржаніе катера *).

Незнакомецъ встрепенулся, поднялъ голову, прислушался и, какъ-бы сообразивъ что-то, торопливо поднялся съ камня и побрелъ въ ту сторону, откуда раздавалось ржаніе. Пройдя нѣсколько сажень и обогнувъ прихотливо нависшую надъ тропинкой массивную скалу, слѣпленную изъ мелкаго краснаго песчаника, онъ увидѣлъ передъ собой небольшую, круглую, глубокую котловину, окруженную со всѣхъ сторонъ, какъ стѣной, высокими отвѣсными скалами. Защищенная отъ палящихъ лучей солнца, котловина эта представляла прохладный, уютный, тѣнистый уголокъ; по дну ея, вырываясь изъ расщелины скалы, бѣжалъ сверкающій ручеекъ, образуя въ одной изъ впадинъ прозрачно-хрустальный холодный, какъ ледъ, водоемъ, съ усыпаннымъ мелкими разноцвѣтными камешками дномъ.

*) Катеръ—мулъ. Помѣсь осла съ лошадыю. Незамѣнимое въ горахъ вьючное и верховое животное.

При видѣ воды путникъ невольно вскрикнулъ отъ радости и, забывъ всякую усталость, бросился къ водоему. Долго пилъ онъ, погрузивъ свое опаленное зноемъ лицо въ холодныя струи; когда-же, наконецъ, напившись вволю, онъ поднялъ голову, глаза его встрѣтились съ другой парой черныхъ, пронизательныхъ глазъ, пристально устремленныхъ на него изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей. Глаза эти принадлежали худошавому старику, одѣтому, какъ одѣваются богатые армяне на Закавказьѣ—въ черную шерстяную черкеску, съ высоко нашитыми на ней гозырями *) и подпоясанную серебрянымъ, чешуйчатымъ поясомъ, съ припѣшленнымъ на немъ кинжаломъ въ серебряныхъ ножнахъ и кожаной, украшенной серебромъ кобурой, изъ которой выглядывала ручка револьвера, на узенькой галунной тесемкѣ черезъ шею. На коротко стриженную голову старика была надвинута по самымъ ушамъ высокая конусообразная шапка-персіанка изъ молкаго, блестящаго, черного барашка. На ногахъ были надѣты обшитые золотымъ шнуромъ чувяки. Сморщенное, худошавое лицо старика, съ крючковатымъ толстымъ носомъ, похожимъ на клювъ хищной птицы, было гладко выбрито, длинные, сѣдые усы закрывали ротъ и спускались ниже подбородка.

Старикъ сидѣлъ, свернувъ ноги калачикомъ, на разостланномъ коврижѣ и закусывалъ мелко накрошеннымъ паныромъ съ лавашемъ **), запивая свой непряхотливый завтракъ краснымъ мѣстнымъ виномъ изъ большой темной бутылки.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, съ надѣтой на голову торбой съ ячменемъ, стоялъ рослый, красивый катеръ, изжелта-бѣлой

*) Гозыри—деревянные небольшія трубочки съ серебряными или медными головками, въ видѣ украшенія, вдѣваемые по 12 штукъ съ каждой стороны груди въ особую для того нашитую гѣзду. Прежнее ихъ назначеніе было выѣщать заряды пороха и пуль.

**) Панырь—овечій, крѣпко соленый сыръ. Лавашъ—хлѣбъ, въ видѣ тонкихъ большихъ лепешекъ. Собираясь въ дорогу, армяне и татары ломаютъ его на малкіе кусочки и вносятъ съ собой въ холщевыя мѣшки.

масти, осѣдланнѣй куртінскимъ сѣдломъ, ярко-малиновѣй бархатнѣй чепракъ котораго былъ расшитъ цвѣтнѣмъ шелкомъ, а широкія мѣдныя стремена украшены изыскной насѣчкой; на шеѣ катера висѣло красное сафьяновое ожерелье, вышитое синими и бѣлыми бусами, съ пришитымъ къ нему амулетомъ, въ видѣ кожаной ладонки, украшенной ракушками,—защита отъ дурного глаза. Сзади сѣдла были приторочены большія, туго набитыя, ковровыя хурджины *).

— Кто ты такой?—спросилъ армянинъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, пристально разсматривая молодого человѣка.

— А зачѣмъ тебѣ это знать?—уклончиво отвѣтилъ тотъ, опускаясь противъ него въ тѣни у водоема и съ угрюмой жадностью изголодавшагося человѣка поглядывая исподлобья на сыръ, хлѣбъ и вино, лежавшіе передъ армяниномъ.

— Зачѣмъ?! Ничѣмъ, такъ спросилъ, если не хочешь—не говори!—сказалъ равнодушно старикъ, снова принимаясь за ѣду.

Съ минуту оба молчали.

— Послушай, бабай **),—глухимъ голосомъ проговорилъ, наконецъ, молодой человѣкъ—дай мнѣ немного сыру и хлѣба, я умираю съ голоду. Пожалуйста!

— Изволь, дюшэ мой, изволь, пожалуйста!—добродушно протянулъ ему старикъ остатки своего завтрака и наполовину недопитую бутылку съ виномъ.—Кушай на здоровье! Карапетъ Мцацекановъ чловѣкъ добрый, пачему не дать, когда самъ сытъ. Кушай всѣ. Оставлять ни надо!

Но молодой человѣкъ ничего и не думалъ оставлять. Въ одинъ мигъ онъ доѣлъ весь сыръ, который оставался въ мѣшечкѣ, подобралъ всѣ крошки лаваша и двумя глотками опорожнилъ бутылку. Все время, пока онъ ѣлъ, армянинъ не спускалъ съ него пристальнаго, внимательнаго взгляда.

*) Хурджины—переметныя сумы, въ которыхъ въ дорогѣ укладывается все имущество путешественника.

**) Бабай—по татарски старикъ, дѣдушка.

— Ну, спасибо тебѣ, бабай!—повеселѣвшимъ голосомъ произнесъ молодой человѣкъ, возвращая порожнюю бутылку.—Теперь немного подкрѣпился, можно и дальше въ путь. Скажи, пожалуйста,—продолжалъ онъ,—граница отсюда близко?

— Близко, часа черезъ полтора дойдешь, а ты развѣ въ Персію?

— Въ Персію, а ты?

— Я тоже въ Персію! — отвѣтилъ, немного подумавъ, армянинъ.

— И то же, какъ я, не черезъ таможеню, а прямо черезъ границу? Отлично, мы, стало быть, попутчики! Пойдемъ вмѣстѣ, хочешь?

— Я на катерѣ, ты пѣшкомъ; какъ-же мы поѣдемъ вмѣстѣ?—уклончиво отвѣчалъ Карапетъ Мнацекановъ, недо-вѣрчиво поглядывая на молодого человѣка.

— Объ этомъ не безпокойся, я пѣшій отъ твоего катера не отстану, въ дорогѣ-же я могу тебѣ пригодиться!

Армянинъ сомнительно покачалъ головой.

— Чѣмъ, дюшэ мой, ты мнѣ можешь пригодиться, мой сырѣ-лавашъ кюшать?—усмѣхнулся онъ, лукаво прищуриваясь.

— Смѣйся, а дай-ка мнѣ ружье въ руки, я тебѣ покажу, чѣмъ я могу быть тебѣ полезенъ. Ты вѣдь навѣрно самъ стрѣлять не умѣешь?

— Почему ты такъ думаешь?—немного какъ-бы обидѣлся старикъ.

— А потому, что вы, армяне, вообще плохо стрѣляете. Это я въ полку замѣтилъ. Грузины и имеретины стрѣлками на службу приходятъ, а васъ армянъ учатъ, учатъ, а все толку мало!

— Ты бѣглый солдатъ?—встрепенулся Карапетъ.

— Почему солдатъ?

— А ты-же, дюшэ мой, говоришь: «у насъ въ полку»—стало быть, ты самъ изъ полка!

— Пусть будетъ по твоему, изъ полка, такъ изъ полка,—согласился молодой человѣкъ,—не въ этомъ дѣло, а въ томъ,

чтобы ты взял меня съ собой. Разъ ты ѣдешь въ Персію, тебѣ такой человѣкъ, какъ я, будетъ кстати. Тамъ, вѣдь, то и дѣло, разбойники попадаютъ; дай мнѣ свое ружье и не бойся, никого близко не подпущу!

— А ты хорошо стрѣляешь?

— Говорю, дай въ руки ружье—увидишь!

Армянинъ всталъ, подошелъ къ своему катеру, и вытащивъ изъ чехла почти новую, хорошо содержанную магазинку Пибоди, какими въ то время перевооружалась турецкая кавалерія, подалъ ее молодому человѣку.

— Куда-же ты стрѣлять хочешь?

— А вонъ, видишь: орелъ сидитъ на кручѣ!—сказалъ молодой человѣкъ, указывая пальцемъ на большого рыжаго орла, нахохлившагося на скалѣ. Съ того мѣста, гдѣ они стояли, орелъ былъ виденъ не весь, такъ какъ былъ заслоненъ камнемъ, изъ-за котораго выглядывала только его голова и часть спины.

— Ну, дюшэ мой, это ты хвастаешь; въ орла ты не попадешь. Далеко очень и видно его плохо, голова одна. Нэтъ, дюшэ мой, стрѣлай другое!

Вмѣсто отвѣта, молодой человѣкъ вскинулъ ружье и началъ медленно и внимательно прицѣливаться.

Прошло нѣсколько мгновеній томительнаго ожиданія, и вдругъ грянулъ рѣзкій, отрывистый выстрѣлъ, гулками перекатами прокатившійся по скаламъ.

Орелъ, встрепенувшись всѣмъ тѣломъ и сильно взмахнувъ крыльями, стремительно взвился вверхъ, описывая широкий кругъ.

— Говорилъ, дюшэ мой, нэ попадэшъ, вотъ и не попалъ!—торжествующе произнесъ армянинъ.

— Если ружье правильно бьетъ—попалъ!—со спокойной увѣренностью произнесъ молодой человѣкъ, внимательно слѣдя за орломъ, разсѣкавшимъ воздухъ широкими и торопливыми взмахами крыльевъ. Вдругъ могучая птица, какъ-то странно, не по орлиному, затрепыхалась на одномъ мѣстѣ

и начала, сначала медленно, потомъ все быстрѣй и быстрѣй спускаться внизъ, безпомощно и беспорядочно махая крыльями.

Черезъ минуту она уже билась на камняхъ ближайшей скалы въ тщетныхъ усиліяхъ вновь подняться. Вытягивая шею и раскрывая клювъ, орелъ судорожно сжималъ и разжималъ острые когти, царапая ими камни; по временамъ онъ издавалъ глухой, предсмертный крикъ, которому гдѣ-то высоко-высоко вторилъ другой орелъ.

— Ну, что?—торжествующе спросилъ молодой человѣкъ, поворачивая лицо свое къ армянину.—Видишь, попалъ!

— Усташъ, усташъ *)!—потрепалъ тотъ его по плечу.— Молодецъ, дюшэ мой, большой молодецъ. Въ самомъ дѣлѣ, давай вмѣстѣмъ поѣдемъ, ты ружьямъ бери, если разбойникъ ходить будетъ, стрѣлай его, дюшэ мой, какъ орла стрѣлялъ, хорошо будетъ!

— Ну, вотъ и отлично! — обрадовался молодой человѣкъ.—Стало быть, можно и въ путь трогаться!

*) Усташъ—по-татарски мастеръ.

II.

Казнь огнемъ.

Часть спустя, черезъ одинъ изъ бродовъ на рѣкѣ Араксѣ, версты три ниже Аладжинскаго казачьяго поста, осторожно переправлялись, сидя вдвоемъ на одномъ катерѣ, Карапетъ Мнацкановъ и молодой человѣкъ, котораго Мнацкановъ называлъ Иваномъ, рѣшивъ про себя, что онъ, навѣрно, русскій бѣлый солдатъ.

Человекъ въ этомъ мѣстѣ, но чрезвычайно быстрый и бурный Араксъ съ оглушительнымъ грохотомъ яростно катилъ свои желто-мутныя волны, угрожая ежеминутно опрокинуть и катера, и его всадниковъ въ пѣнящуюся пучину. На серединѣ рѣки напоръ волнъ былъ такъ силенъ, что катеръ на минуту было приостановился, какъ-бы не рѣшаясь идти дальше.

— Шутора *), шутора!—закричалъ на него Карапетъ, замахиваясь концомъ ременного поводка.

Катеръ затрясъ ушами и рванулся впередъ, упираясь всею грудью противъ стремительнаго теченія. Вода достигла сѣдла, но черезъ нѣсколько саженой она начала быстро убывать, и съ каждымъ новымъ шагомъ катеръ сталъ какъ-бы выростать подъ всадниками. Вотъ показалось его отвислое брюхо, за нимъ ноги до колѣнъ, колѣни, ниже колѣнъ, и наконецъ, весело пофыркивая, онъ мелкой рысцой благополучно выбрался на противоположный, крутой, осыпающійся, песчаный берегъ.

*) Шутора—скорѣе (по армянски).

„Черезъ одинъ изъ бродовъ Аракса переправлялись, сидя вдвоомъ на одномъ
хатерѣ Каранетъ Мпацкановъ и неизвѣстный молодой человѣкъ“...

— Ну, теперь надо глядѣть во все глаза, — боязливо оглядываясь, произнесъ Карапетъ, — тутъ какъ разъ разбойниковъ встрѣтить можно!

— Не бойся, старикъ, — со спокойной самоувѣренностью отвѣчалъ его спутникъ, закладывая патроны въ магазинку, — у насъ, у русскихъ, есть пословица: «Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». Понимаешь?

Карапетъ утвердительно мотнулъ головой, и оба, не теряя времени, пустились въ дальнѣйшій путь.

Монастырь Св. Стефана, куда направлялся теперь Карапетъ Мнацекановъ — одна изъ древнѣйшихъ армянскихъ святынь, и въ свое время имѣлъ большое значеніе, какъ оплотъ христіанства среди враждебныхъ ему мусульманъ.

Монастырь этотъ, воздвигнутый среди пустынныхъ горъ, со всехъ сторонъ былъ окруженъ дикими курдскими племенами, исключительно занимавшимися разведеніемъ бесчисленныхъ стадъ овецъ и разбоемъ. Надо было много такта, ловкости и хитрости со стороны отцовъ-настоятелей монастыря, чтобы оставаться цѣлыми и невредимыми, живя бокъ о бокъ съ такими беспокойными, кровожадными и алчными сосѣдями. Только грозная власть Суджинскаго владѣтельнаго хана Чингизъ-Аги, съ которымъ монастырь, цѣной частыхъ и обильныхъ башкешей *), поддерживалъ дружбу, да страхъ передъ близкой православной Россіей, сдерживали разнузданныя толпы дикарей, всегда готовыхъ съ огнемъ и мечомъ обрушиться на монастырь, представлявшій для нихъ лакомую и, въ сущности, легкую добычу.

Солнце приближалось къ западу, когда Мнацекановъ съ Иваномъ подъѣхали къ высокимъ стѣнамъ монастыря, окруженнаго со всехъ сторонъ густо разросшимися тополями, каштанами и норбандами, дававшими густую тѣнь на широкую, усыпанную камнями дорогу-аллею, ведущую къ самымъ воротамъ монастыря, передъ которыми на небольшой пло-

*) Башкешъ — подарокъ, подношеніе, взятка.